

Наташа Труш

Полтора инвалида,
два кота
и одна собака...!

Наташа Труш

**Полтора инвалида,
два кота и одна собака**

«Издательские решения»

Труш Н.

Полтора инвалида, два кота и одна собака / Н. Труш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908564-1

Книга рассказов состоит из двух частей: первая — записки «понаехавшей» на юг дачницы, вторая — короткие петербургские повести. Жить «в провинции у моря» — осознанный выбор автора, которому и в страшном сне не могло присниться все то, что может дать беззаботная, на первый взгляд, дачная жизнь! И вопрос: осилит ли женщина, в помощниках у которой лишь пожилая маменька да кошки с собаками, все те «садо-мазо-огорода» трудности, и не сбежит ли в благоустроенную городскую квартирку.

ISBN 978-5-44-908564-1

© Труш Н.
© Издательские решения

Содержание

Вместо утомительного предисловия —	6
Часть 1	7
I	8
II	11
III	16
IV	18
V	22
VI	25
VII	26
Часть 2	27
Горчичник на сердце	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Полтора инвалида, два кота и одна собака

Наташа Труш

Дизайн обложки Татьяна Алимova

Рисунки и фото Наташа Труш

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4490-8564-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо утомительного предисловия —

Галопом по Анапе

«Полтора инвалида, два кота и одна собака» – вот такой длинный заголовок я решила дать своей книжке. Тем, кто читает мой дневник в интернете, он хорошо знаком. Тогда, когда я начинала писать свои записки переселенца, все так и было: мы с маменькой, с двумя «букетами» болезней, два кота и собака породы французский бульдог. Спустя три года животных стало больше: прибавился еще один кот – рыжий, пушистый и наглый, из местных, – и одна собака дворянских кровей. Французский бульдог прожил свой собачий век, и его место заняла забавная карликовая такса мраморного окраса по кличке Филипп Морис, в быту просто Филька. Но менять название блога я не стала – а вдруг завтра поголовье еще увеличится?! В таком же виде оно перекочевало и на обложку книжки.

Сегодня, когда за окном моей южной дачи на глицинии, потерявшей листья, лежит снег, я могу, наконец, сидеть и писать. Потому что зима. На юге, как оказалось, она тоже бывает! Со снегом, с метелью и ветром, с прозрачными сосульками и покатушками на горных дорогах. И это время года здесь странное, чужеродное, тяжело переносимое, потому что я ехала сюда с севера с тем, чтобы убежать от зимы навсегда. Но не вышло. Нет в моей стране уголка, где бы не было зимы. Просто нет. И это даже хорошо, потому что если б не было зимы, у меня не было бы времени для написания этих записок. Потому что с некоторых пор в жизни моей появились цветы, сад с огородом, баня и погреб, собаки и кошки – все эти атрибуты настоящей дачной, или, если хотите – деревенской! – жизни, которая засасывает с головой. И то, что ты еще умудряешься остаться писателем в этом лихом круговороте жизни, просто чудо!

А минувшим летом я в нагрузку к своим садо-мазо-огородам делаам взяла на себя еще смелость показывать Анапу гостям нашего города-курорта. Мне показалось, что нашими короткими путешествиями по Анапе и ее окрестностям гости были довольны, но для полного комплекта в экскурсии под условным названием «С писателем по Анапе» не хватало книжки. И тогда родилась идея написать такую книжку. Мне захотелось рассказать о том, как в своем – кхе! – солидном возрасте я решилась на переезд из Северной столицы к южному Черному морю, как осваивала свои пять соток и вела борьбу с инженерными сетями своего загородного дома. Может быть, для кого-то эти записки станут тем необходимым путеводителем, без которого легко заблудиться в путешествии... из одной жизни – в другую.

А еще меня очень беспокоил вопрос: может ли одинокая женщина возраста наступающей осени жить в своем дачном доме, управлять своим хозяйством без мужской помощи? Как это у меня получилось, судить вам, дорогие читатели! Я рада, что уже помогла некоторым читательницам моего блога ответить на этот вопрос положительно.

Часть 1

Полтора инвалида, два кота и одна собака на южной даче

*«... А теперь не нравятся большие города,
И все больше хочется пожить на маяке...»
Олег Митяев*

I

Начать надо издалека-издалека.

Когда в городе на Неве, который тогда назывался еще Ленинградом, на каждом предприятии можно было вступить в дачный кооператив, я и думать не хотела ни о какой даче, хотя выращивать из зернышек растения мне всегда нравилось, и если бы я не стала тем, кем стала, то, наверное, связала бы свою жизнь с растениеводством. Впрочем, за отсутствием присутствия в доме мужа мечтать о даче было как-то смешно. Дача – это ведь не только цветочная клумба, но еще и дом, колодец, печка. А все это дорогого стоило. В прямом смысле слова – больших денег стоила жизнь дачная! Да еще и до дачи этой надо было доехать. Часа два от города, на электричке, а потом на автобусе, а потом еще и на «11-м номере», то есть ножками. Машины тогда были не в каждой семье.

Словом, не мечтала я о даче совсем. На окне выращивала какие-то экзотические растения, которые не очень выживали в наших почти северных краях, и погибали без солнца в нежном возрасте. Клумбу под окном возделывала, на которой вырастила огромную лиану девичьего винограда из крошечного росточка. Комнатные цветы, разумеется, тоже разводила. Но все это в городских условиях.

Желание иметь дачу было отбито совсем, когда я побывала в гостях у родителей наших друзей под Выборгом. Сама дачка была чудной: милый деревянный домик у озера, грядки с клубникой, парнички с огурчиками, черноплодка с облепихой. Но созерцание всей этой красоты было изрядно подпорчено. Подмочено... Дождь был холодный в тот день, в доме почему-то было зябко, рыба на озере не клевала, зато комары жрали так, будто от смерти отъедались! Если бы эта дача была поближе к железнодорожной станции, я бы убежала с нее! Но добраться до электрички было непросто, а автобус ожидался не ранее следующего утра. Пришлось остаться переночевать. Кажется, влажные простыни той сырой ночи я помню до сих пор! Бр-р-р-р!

После этого я на дачи к своим друзьям старалась не ездить, а если меня все же заносило куда-то, я с первой минуты «отдыха» думала о том, как бы скорее вернуться домой. И уж никак не мечтала о «шести сотках» в собственности! Это добровольное рабство – а как иначе назвать возделывание земли в совершенно непригодном для растениеводства крае, где сажаешь ведро картошки и собираешь ровно столько же?! – было совершенно не для меня. Ну, уж нет! Ведро картошки я и в магазине или на рынке куплю, а вот время свободное не купишь.

Желание занять клочок земли с домиком появилось тогда, когда на горизонте загорячилась календарная пенсия. (Как в анекдоте: пора к земле привыкать!) Жизнь к тому моменту у меня изменилась. За годы, что были прожиты без дачи, у меня появился сначала один муж, затем – второй. Правда, ни один, ни другой не горели желанием помахать тяпкой на грядке, да и к красивой моей дате «55» в доме не было уже ни одного – мужики нынче рано в лучший мир отправляются. Сын моего желания обзавестись дачкой не разделял, хотя пообещал что надо – приколотить, что не надо – отпилить. Только не копать!

Моим идейным вдохновителем стала мама – человек совершенно не дачный. По-моему, она до сих пор думает, что помидоры растут на деревьях! Но почему-то мое желание купить дачку ей очень понравилось. Не нравились только цены и отдаленность от дома. А еще мама, загибая пальцы, перечислила, что ей нужно на этой даче: автобус и электричка в двух шагах от дома, соседи со всех сторон, желательно не шумные, желательно проживающие на дачах зимой, телефон, магазин, скорая помощь и милиция в шаговой доступности.

Поиск такого сокровища свел меня с ума. И вдруг на Авито я увидела объявление и фото дивного домика, утопающего в цветах. Дача была дачей, скажем так, неполноценной, так как находилась в огородническом товариществе, где земля у обитателей этого чудного уголка

не в собственности, а в аренде. Зато все остальное нас устраивало на все сто! От дома – пять минут езды на машине, на участке – городская вода, прудик, сарай, гамак, елки, море цветов, сосед – председатель, и как приятный бонус – колокольные звоны по субботам и воскресеньям, доносящиеся из храма.

Вот в этом благословенном месте мы и стали проводить все наше свободное летнее время. Познакомились с соседями, посадили розы, поставили парник, который через две недели отправился в полет над огородом председателя. Купили дровяной самовар с трубой, поставили баньку Мобибу.

Ах, какие замечательные там были вечера! Да, забыла сказать: электричества в огородничестве не было, но как показало время, оно там было и не нужно, поскольку ночи у нас белые, да и ночевали мы в своем домике редко-редко, так как до квартиры с удобствами рукой подать!

Наверное, так бы мы жили и радовались каждой травинке, каждому погожему деньку, да навалились болячки, одна другой больнее. И после двух лет безрезультатного хождения по докторам я решила, что надо кардинально поменять жизнь. А кардинально – это, прежде всего, климат. Прорубая окно в Европу, царь Петр со строительством культурной столицы очень промахнулся, заложив город Святого Петра на невских берегах. Сыро и холодно, и как ты не береги смолоду свои суставы, к пенсии их начинает выворачивать так, что дня нет, когда не помянешь недобрым словом этот климат. Про маменьку молчу: 77 годков – это не баранчихнул. Кстати, работать она как раз в 77 и закончила, когда нога отказалась ходить без боли.

Мне же в мои 55 «с хвостиком» как-то неловко было бросать работу, но пришлось.

Маменька идею с покупкой дачи в теплых краях приняла с радостью. Правда, домик у моря – это не избушка в питерском огородничестве. Тут сбережений в две-три сотни тысяч рублей не хватит. Тут масштаб иной. Этот масштаб измерялся моей отдельной однушкой, которую я решила продать. В кризис!

Пока квартира продавалась, мы перетаскивали мои вещи в квартиру к маме, на дачу, и на помойку. И выбирали место будущей южной дачи. Сначала замахнулись на «крымнаш», так как в Севастополе все наши родственники живут. Однако поездка туда в декабре того – первого в новой истории Крыма, – года немного остудила меня. Может быть, мне не очень повезло, но то, что мне показывали риелторы, разочаровало меня. Разрушенные курятники на четырех сотках скалы стоили столько, что у меня очки на землю падали, когда я видела ценники. А еще Керченский пролив и переправа через него! Мост, конечно, будет, но когда?! Словом, «минусы» сделали свое дело, и выбор мой пал на Анапу, которая по климату мне подходит даже больше, чем Крым. Да и до Севастополя всего около 400 км! А это сущие пустяки по сравнению с тем, что за полтора месяца я совершила пять (!) поездок по маршруту Анапа-Санкт-Петербург и обратно, каждый длиной в 2200 км!

Я, наверное, долго подхожу к теме! От Адама... Но уже близко-близко! В апреле я, продав, наконец, свою однушку, отправилась в Анапу. С местом я определилась до «пяточка» в несколько квадратных километров. Этот «пяточок» – садоводство в 15-ти км. от Анапы, как я сегодня говорю – «в горах»! По сравнению с нашим плоским городом тут реально горы! Начало Кавказских гор.

Садоводство утопало в белом цвете, и в бело-розовом. Красотища необыкновенная! Правда, некоторые красивые участки приходилось сразу отклонять и не рассматривать: уж очень круто дороги шли вверх, в гору! А возраст лихости не прибавляет, и за рулем в горах я чувствую себя не очень уютно.

Посмотрела я совсем немного участков с домиками, и быстро остановилась на варианте, который теоретически совсем не рассматривала. У него было три «минуса»: соток только пять – королевство маловато, разгуляться негде!, – раз, сад молодой – два, и дом – дуплекс – три.

Правда, со временем стало понятно, что пять соток – это «плюс», так как если бы их было больше, я бы протянула там ноги! Молодой сад – тоже «плюс»: можно его сформировать

по своему желанию. А то налюбовались мы тут в мае на соседские черешни, на которых ягоды болтались на высоте трехэтажного дома! Ни себе, ни людям. Только птицам.

Маменька тоже успокоилась. Она больше всего хотела, чтобы в саду были деревья так понатыканы, чтоб можно было только раскладушку таскать из-под черешни да под вишню, а дальше только рот шире разевай!

Одно лишь гложет: при том, что дом наш и сад мне нравятся, сравнить мне мои угоды практически не с чем, так как я очень мало объектов посмотрела. Увидела этот, и остановилась. Может быть, это тот случай. когда дом действительно «твой»?!. Пусть так и будет.

II

Третьим рейсом в Анапу я везла маму и двух котов – семилетнего Мартына и трехлетку Шурика. Мартик у нас совсем не выездной был, в отличие от Шурика, который любил нашу питерскую дачу. Но до нее, как я уже писала, пять минут езды, а тут 2200 км! Три дня пути. Именно «дня», так как ночью я ездить не могу. Только по огромной необходимости. А в таких переездах ночью я обязательно сплю.

В первый день пути Мартик наш часа полтора – почти до Новгорода, блажил жалобно. А Шурик спокойно спал. Пришлось парней посадить в одну клетку-переноску, где Шурик лизал Мартыну морду, от чего тот успокаивался. Так и доехали.

Еще одна животиная – собака породы французский бульдог, принадлежащая моей невестке. Собака – в прошлом чемпионка породы (вот не помню, города Петербурга, деревни Гадюкино или всея России), но страшнее зверя я не видела. И руки бы обломать тому, кто из невинного существа сделал такое чудовище. Ну, это на мой взгляд. Многим нравится. Мне же хотелось ей много сказать, когда она обедала, спала или чесалась. Одним словом: хотите покоя – откажитесь от такой собачки. Покой вам будет только сниться! Если вы сможете уснуть с этой скотиной в одной комнате!

В доме моем есть камин. Настоящий! Когда в начале мая я зашла в наш дом полноценной хозяйкой, на улице было холодно, и я решила, что это хороший повод испытать эту красоту.

Камин растапливаться не хотел. Тяги не было. Я жгла в нем газеты и кашляла от дыма. И вдруг из трубы что-то с шумом выпало! Хорошо, что была не ночь! И хорошо, что топка глубокая. Бывший хозяин, видимо, на зиму затыкал дымоход огромным куском подложки под ламинат. Меня не предупредил, и я едва инфаркт не получила, когда пылающий ком с шумом вылетел вниз, и тут же от тяги камин загудел, полиэтилен запылялся, воняя, а за ним и дрова занялись.

Как оказалось, камин – это хоть и приятное, но все-таки баловство. Топить камином дом – это топить улицу. Мне это сразу объяснила приятельница, живущая рядом. В ее доме из отопления лишь камин. У меня же в хозяйстве оказался еще и твердотопливный котел. Его я увидела впервые в жизни, и, хоть и с изрядной долей страха, тоже испытала в мае. Сунула в топку три сырых полена – дожди тогда поливали в этих местах знатные. Поленья долго пытались разгореться. А потом все же занялись и батареи потептели. Температуру не нагоняла – без надобности было, главное – испытания системы прошли успешно. В тот момент я подумала, что если задержусь тут до глубокой осени, то не околею! Но это вряд ли. В наших планах было жить на южной даче с весны до осени, а на зимовку уезжать в Петербург.

В мае мы сразу же обзавелись беспокойным хозяйством – купили шесть кур-несушек и одного юного петушка. Петушка назвали Васькой. Куры его сразу выгнали из курятника, пришлось заселить юношу в уличный душ, который так и так было запланировано модернизировать. Но Васька сидеть в душе не собирался, скоро стал совсем ручным, и вместе с этим обнаглел! Стал запрыгивать на стол, хватать из рук хлеб. Еще немного, и начал бы гадить на головы! Решено было его отдать на растерзание курам. Неделю они его гоняли, приходилось кормить с рук, а то очень страдал от недоедания. А как подрос, был признан мужиком в доме, и куры смотрели на него не только с уважением, но и с любовью.

Сегодня курятник – вотчина новоиспеченной птичницы – моей маменьки. Я курами интересуюсь исключительно с гастрономической точки зрения. Маменька же курочками занимается с любовью, кормит их, убирает за ними. Надо сказать, что куры хлеб не зря едят! Каждый день шесть яиц! Или пять. Но тогда одно – двухжелтковое. Это стало большим подспорьем в нашем пенсионном хозяйстве. Хотели завести еще десяток гусей, но время упустили. И хорошо. Гусей увидели на рынке, и поняли, что пустить на суп с лапшой гусика мы нико-

гда не сможем, потому что он оказался похожим на нашего любимого кота Шурика! Никакого иного скота заводить не планировалось, и если маменька порой вздыхала грустно, слушая блянье соседской козы, я быстро возвращала ее из страны грез на нашу, как оказалось, не очень ласковую землю.

Земля тут сложная. Забудьте про чернозем! Может быть где-то его и, правда, на три метра вглубь планеты, но это не у нас. У нас земля трудная, глинистая, каменистая – горная глина. Без дождя – асфальт асфальтом, после дождя – болото! Это уж позже я узнала, что именно на такой земле любит расти виноградная лоза! И землю эту так и называют – виноградная земля. А местность от Тамани до Абрау-Дюрсо – Русской Тосканой. А еще эта земля находится на одной широте с французскими виноградными провинциями Бордо и Бургундией! Чувствуете, чем дело пахнет?! Ага! Отхватила я, оказывается, кусочек бесценной земли в северном Причерноморье, где растет лучший виноград.

Винограда у меня и в самом деле оказалось много. А еще розы, персики, черешни и прочие сливы. И все это хозяйство очень хотело пить, поэтому вода в наших местах почти на вес золота.

На участке у меня была скважина – в углу сада из земли торчала труба, сантиметров пятидесяти в диаметре. В черной ее глубине жужжал насос, стоило воткнуть в розетку вилку шнура. Как только мы заселились в дом, решили хорошо полить сад-огород, и принялись качать воду из скважины, расставив по участку симпатичные поливалки. Землю полили хорошо, а вот вода в скважине кончилась... Зеркало воды виднелось где-то очень-очень глубоко. Скважина глубиной 16 метров, старая.

Вызвала специалистов с пожарной машиной, для промывки – сказали, что это может вернуть воду. Специалисты почесали головы и сказали, что на такую скважину уйдет прорва воды и не факт, что получится что-то.

Так вот, после двух часов непрерывной работы насоса, шланг стал залипать и плевать ржавыми хлопьями. И это в самом начале лета!

Хозяин, у которого я купила южную дачу, похоже, ничего не знал про свое хозяйство. Спросила его, какого цвета гибискус под окном. Сказал – белый. А зацвел сиреневый! А тут – скважина! Ничего конкретного про скважину он мне рассказать не мог. 16 метров в ней, или всего 10, можно почистить, или лучше не дергаться с этим – все надо было решать самой. И решать срочно, так как лето стремительно наступало, и каждый новый солнечный день выжаривал землю, она превращалась в асфальт, и все растения стонали с утра до вечера: «Пииниить!»

Пришлось вызывать водовозов и покупать воду. А потом пытаться растянуть четыре куба воды на целый месяц, и просить всевышнего о дожде!

За питьевой водой ездили на родник. Он, надо сказать, очень симпатичный, с любовью сделан неизвестным мастером. Рядом – камень с посвящением некой Госпоже Перепелке «за восхитительные неповторимые рассветы...». Наверное, у кого-то с этим дивным местом связаны незабываемые воспоминания. Да и то правда: места уж очень хороши, просторы кругом, поля и горы. Для романтических историй места – скажем прямо.

Вода из родника вкусная, правда, известковая – чайник надо каждый день чистить, высыпая из него изрядное количество подсохшей накипи.

Помнится, маменька моя сначала просто мечтала о большом саду, чтобы фрукты-ягоды в нем не переводились все лето, чтобы только раскладушку перетаскивать с места на место и лежать на ней, открыв рот. И, как и следует учителю литературы, подкрепляла мечты свои примерами из классики: «Я помню места, где инжир с айвой росли без труда у рта моего...» Надо сказать, что и айва, и инжир в саду были, правда, айва со временем оказалась фруктом деревянным, а инжир в этих местах надо правильно выращивать, чтобы отведать переспелых фигушек! А самое главное – все это надо поливать! И если б только поливать! Вредителей

в южном саду столько, что если с ними не бороться, то даже яблочка со своего дерева не попробуешь! И маменька, глядя на то, как я с утра до вечера то сражаюсь с гадами, то читаю до глубокой ночи, как с ними сражаться, стала говорить, что пять соток нам за глаза и за уши. Она и не думала, что это так сложно! Ей представлялось, что в своем огороде будет само все такое висеть, как турецкие фрукты на рекламном банере! А тут то яблочко с паршой во весь бок, то сливка вся в траву упала зелено-сизой! А без воды все это и вовсе захиреет. Поэтому помаввшись лето с привозной водой, в сентябре мы решили пробурить скважину. Соседи крутили пальцем у виска, дескать, дуры-бабы питерские, собрались кучу денег в землю зарыть! А мы думали о том, что не придется считать каждое ведро воды, а если повезет, то воду свою можно будет еще и пить.

Компанию бурильщиков нашли по рекомендации. Съездили, познакомились, сказали, из каких мест приехали, помянули недавнее питерское прошлое, и, вернувшись домой, стали ждать дня, когда до нас дойдет очередь. Пока суд да дело, я накопала в интернете информацию про какого-то умного дядю, который по карте вашего участка из космоса делает прогноз по воде. Отправила ему письмо с фотографией моих владений, и скоро получила ответ. На том месте, где у нас уже была старая скважина, водяных изысканий волшебник увидел воду на глубине, соответствующей глубине нашей скважины. Это изумило и вселило веру. Далее дяденька отметил на карте участок, где по его прогнозу вода была на 35—37 метрах, и в десяти метрах от второй отметки еще одно «пятно» – вода на 70—80 метрах. Мы настроились на 35, что было обусловлено, прежде всего, стоимостью грандиозного сооружения. 1700 рублей за метр проходки, плюс насос, плюс обустройство. Сумма впечатлила, но решение было принято. А тут надо сказать, что с водой в нашем садоводстве все достаточно печально. Говорят, когда-то воды было – хоть залейся! И была она на не запредельной глубине. Потом случилось землетрясение, и вода ушла. Выше в гору она есть, но достаточно глубоко. А вот вниз по склону, за главной дорогой – и на 150 метрах воды нет! И в ту сторону бурильщики едут очень неохотно.

Моя дача выше главной дороги, но, как сказали бурилы, «хорошо бы выше!» Ну, и мне вообще-то хотелось бы изначально иметь хорошо работающую скважину, но выбирать уже не из чего! Есть участок, на котором стоит дом, обустроена автопарковка, и мест для новой скважины не так уж много. А если еще ограничение по «пятну», в районе которого мне нашли воду на глубине от 35-ти метров?! Тут шаг вправо, шаг влево – и расстрел!

Вода под землей, как известно, есть повсюду. Правда, на разной глубине.

Не буду в подробностях расписывать, как проходил процесс бурения. Масштаб бедствия оценить трудно! Синей глиной были заляпаны даже окна, через которые мы с маменькой пристально следили за процессом. Процесс оказался долгим – пять дней за нашими окнами гремело, грохало, ухало и скрипело. С утра и до вечера мы с маменькой с замиранием сердца следили за тем, как периодически в скважину опускается новая штанга, длина которой более пяти метров. Пять метров мы мгновенно умножали на 1700 рублей, и падали в очередной обморок. А после того, как бурильщики уезжали домой, мы вытаскивали из холодильника бутылочку «Жигулевского» – для успокоения нервов! – и спивались. Напиток помогал забыться до следующего утра.

На третий день мы прошли 35-метровый рубеж и стали еще пристальнее всматриваться в грязное окно. А по вечерам вынимали из холодильника уже две бутылочки «Жигулевского», и спивались еще сильнее. Друзья стали за нас переживать, и трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы через пять дней не пришла машина с синими – обсадными, – трубами. А это значило, что скважина все-таки будет.

Но где вода?! Мне в моих грезах виделся столб хрустальный выше дома, но во все стороны летели только синие ошметки глины.

71 метр! В два раза больше того, на что мы рассчитывали! По идее, из такой скважины должна хлестать нефть, а Роман Абрамович должен служить у меня садовником! У нас же

из трубы выползала сине-зеленая жижа, а мы отмывали от глины забор, окна дома, дорожку палисадника, и ждали чуда.

Чудо все-таки пришло: вода как-то очистилась от глины после длительного промывания, и мы обустроили скважину, завели воду в дом, и зажили почти припеваючи. Почти – потому что труба периодически выплескивала глину, которая оседала в бачке унитаза, водонагревателе, трубах, и засаживала новые фильтры за несколько часов.

Насос в такой глиняной осаде смог просуществовать только полтора года, после чего, хрюкнув, испустил дух. Купили новый, заплатили за работу по его установке, и снова стали с ужасом смотреть на то, как новый насос захлебывается глиняной жижей.

Тут я забегу немного вперед. Прошло еще полгода. За это время напротив нас вырос соседский дом, и сосед затеял бурение скважины. Машину для бурения на месте работы поставили с вечера, с утра бурилы принялись за работу, а вечером все было готово. Скважина глубиной в 71 метр начала исправно выдавать чистую воду! Именно на том месте, на которое указал мне дяденька из интернета. Нет, я, конечно, не завидовала чужому счастью, но мне очень хотелось, чтобы оно, это хрустальное счастье, так же хлестало бы и из моего крана!

Я подошла к мужикам и пожалилась на свою беду. Мужики плечами пожали и посоветовали снова обратиться к горе-мастерам, которые «что-то наворотили».

Мои бурилы приехали через день, попытались поднять насос, и... у них ничего не получилось. Насос, похоже, капитально засосало – ушел в глину. Бурилы развели руками: мол, не знаем, как так, откуда на насос льется глина сверху!

Какое счастье, что они произнесли это! Я тут же вспомнила, как бурилы ставили обсадные трубы. В какой-то момент я увидела на синих трубах перфорацию и спросила – с чего бы это дырочек насверлили посреди колонны-то? «А это у вас на 35-ти метрах водичка показалась, вот мы и решили ее вам тоже собрать!» Вон оно что! На 35-ти, говорите? Спец из интернета тоже так говорил. Но он про воду говорил, а не про сине-зеленую жижу! Полезна я в интернет всезнающий, нашла специалистов, созвонилась. Дядя оказался горным инженером. Про скважины все-все знал! Он мне тут же сказал, что это грубейшая ошибка – перфорация в середине трубы. Через эти дырки, говорит, на насос льется не вода, а глина. То есть на 35-метровой глубине в этом месте – глиняный пловун!

Вооруженная знаниями, полученными из сети, я отправилась к начальнику бурильной конторы, и предъявила претензии по неверному инженерному решению. И попала в точку! «Признаем ошибку!», – устало сказал начальник конторы, и пообещал все исправить.

С утра приехали исправители, а мы с маменькой запаслись «Жигулевским», и засели в беседке, как в окопе: через щелочку между досками мы наблюдали за действиями горе-мастеров.

Первый раунд бурилы проиграли: оторвали трос от насоса, последний остался на 70-метровой глубине. Правда, больше-то проиграли не они, а мы: насос, если помните, новый был поставлен полгода тому назад! Мы с маменькой глотнули холодного пивка, и схватились за сердце. И второй раунд бурилы тоже проиграли – подняли три секции синей обсадной и ее сломали тоже. Мы с маменькой чуть не плакали у щелочки в беседке, заедая горе колбасой.

Скважина умерла. Это была уже не скважина, а глубокая дырка в земле с похороненным где-то в недрах новеньким (почти) насосом.

Масштаб разрушений трудно описать: залитая глиной земля цветника, разрушенная дорожка, сломанная белая роза Аспирин. Да, еще срезанный болгаркой забор. К моменту отъезда бурил в конце рабочего дня мы с маменькой были неприлично пьяны, так как нам не так много и надо для этого. Всплакнули, запирая на ночь ворота, заполировали горе крепким чайком, протрезвев при этом, пришли к выводу, что нет худа без добра, и, похоже, новую скважину бурить нам будут «за так», а это уже большая победа.

На следующий день бурилы взялись за обустройство места под новую скважину. Для начала они срезали забор слева от ворот. А надо сказать, что три секции забора справа от ворот еще не были поставлены на место. Правда, с обеда в помощь нашим мастерам явился еще один – старенький дядя на потрепанной «Волге». Он привез сварочник и за пару часов поставил на место забор. А те двое, которые, видать, были выставлены козлами отпущения, продолжали ломать мой участок.

Для начала они выкопали огромную яму-могилу. Не, правда-правда, метр на два и два метра вглубь планеты! Я только успевала выхватывать из-под ковша драгоценные свои растения. Яма бурилам нужна для технологического процесса – это я уже знала. Но в прошлый раз буриды копали руками, – вернее, лопатами! – и за забором, а в этот раз ломали мой ландшафт, как будто мстили за то, что им приходится исправлять свои косяки, надо полагать, бесплатно.

Бурили ребятаки опять пять дней. На третий день я спросила их, почему у соседа 71 метр пробурили за один день. «У них просто инструмент лучше, чем у нас», – услышала в ответ. Черт, кто же мне посоветовал этих горе-специалистов?! Ведь по идее, если в конторе бурильной нет хорошего инструмента, то какого рожна они вообще делают на рынке бурильного труда?!

Бурилы пожали плечами и продолжили свой адский труд по ковырянию каменистой почвы в предгорьях Кавказа. Я следила за каждым шагом этих маньяков, правда, из дома, спрятавшись за занавеской, так как один из мастеров глубинного бурения недружелюбно намекнул мне, что когда я наблюдаю за их работой, у них обязательно что-нибудь ломается! О, как! Я удалилась в дом, чтобы мастера не сотворили мне какую-нибудь подлянку. Спрятавшись в складках оконной шторы, я смотрела, как трясется на машине механизм, проталкивающий сантиметр за сантиметров в толщу земли длинный шест, заканчивающийся где-то глубоко бурильным инструментом по имени «шарошка». Не знаю, официальное это имя, или уменьшительно-ласкательное, но я его запомнила. А бурилы лежали в тени под фундуком, и получали удовольствие от любимых занятий. Один беспрестанно щелкал семечки, а второй читал книгу! За это я его очень уважала. Давненько не видела, чтобы рабочий класс читал. Этот товарищ, кстати, и во время бурения первой скважины тоже читал! Надеюсь, что это были разные книги.

Самое интересное началось, когда бурилы стали опускать в скважину обсадную трубу. Тут они решили перебдеть по полной программе, и соорудили над перфорацией что-то вроде резинового кольца, к которому примотали проволокой резиновую же «юбку». Это на тот случай, если глиняный пливун доберется все же до этих запредельных глубин!

Вот сколько внимания я уделила «водяному вопросу»! И это понятно. Повторюсь: вода на юге – это все!

III

Дальше будет тоже про воду. Пить хотят не только растения, но и люди. А еще люди должны мыться. И море не решает эту проблему, хоть воды в нем много! Проблему решает душ. А еще лучше – баня! Тут можно привести замечательный пример из любимой всеми новогодней комедии «Ирония судьбы, или с легким паром!». Тот самый пример, про баню. И про то, что мыться в ванне никакого удовольствия. И это правда. Удовольствие номер один – это баня! Особенно если речь идет о даче.

Баню мы привезли с собой. Она у нас мобильная, «Мобиба»: палатка из какой-то специальной несгораемой ткани с компактной печкой внутри. С такой банькой я познакомилась много лет назад, когда мы снимали в Сибири документальный фильм о местных умельцах, которые и придумали эту самую баню. Наш ведущий даже испытал все на себе: в сорокаградусный мороз он парился в такой бане, а потом нырял в сугроб. И вот, когда мы с маменькой обзавелись дачкой в питерском огородничестве, мы сразу решили, что нам позарез нужна баня. Тут-то я и вспомнила про Мобибу, про то, как легко ее можно поставить в любом месте, какими чудо-печками они оборудованы – прогревают баню до ста градусов за полчаса! Не прошло и недели, как мы выгружали на даче остро пахнущие новенькие сумки с банькой-палаткой, печкой и бачком для воды.

Поставили баню без проблем на заранее сколоченный из досок помост, на печку уложили специально купленные для этой цели камни, ведро для воды. Купили цветные тазики, и – здравствуй, банный день!

Банные дни мы устраивали через день, и парились до самых морозов. На зиму баньку разобрали, погрузили о том, что закончились наши помывочные мероприятия. А весной у нас состоялся переезд на юг, и баньку мы прихватили с собой. На даче определили ее на хоздворе и с удовольствием пользовались два сезона. Правда, вторая зима на юге оказалась такой снежной, что банька наша сильно пострадала: от снега погнулись металлические трубки. Банька стала кособокой. А весной на нее упала ветка старого абрикоса и распорол бок баньки. Это и решило судьбу ее. Но поскольку жить без бани мы уже не могли, то решено было строить новую баню. К тому же место для нее даже выбирать не пришлось. На территории у нас был старый парник, который прежние хозяева переделали в сарай. Парник был когда-то капитальным: на мощном фундаменте с крепкими металлическими уголками, с металлическим же надежным каркасом. Помещение два на четыре метра вполне подошло для небольшой баньки: половина – на собственно баню, парилку, и вторая половина – предбанник.

Настоящая баня, конечно, должна быть бревенчатой. Это по-северному, традиционно. Чтобы от первого пара и на долгие годы она сохранила удивительный дух зимнего леса и могла держать тепло три дня.

Банька, которую построила я на юге, каркасная, многослойная. Из дерева в ней – наружная и внутренняя обшивка, а «начинка» содержит и пароизоляцию, и современный утеплитель, и специальную банную фольгу. Надо сказать, что банька удалась. Тепло держит хорошо, и даже деревом в ней пахнет, как и положено! Не хватало к такой баньке только веников. Настоящих, березовых! А за ними надо было ехать на север, так как в Анапе береза – дерево редкое, и уж никак не для заготовки веников растет она на южной земле.

Мне случилось поехать в Петербург в самое «вениковое» время – на троицу. И, возвращаясь назад, я рано утром где-то под Новгородом съехала в лес по проселочной дороге, и остановилась в березовой роще.

Я наломала березовых веток от души, и с трудом разместила этот душистый груз в салоне автомобиля. Всю дорогу я вдыхала густой березовый дух, который с каждым часом становился все гуще, все насыщеннее, а когда выкатилось солнце и раскалило асфальт и машину, можно

было париться, не вылезая из-за руля! Остановивший меня где-то недалеко от Ростова сотрудник ГИБДД, потянул носом воздух из открытого окна и спросил с удивлением:

– Веники везете?!

– Ага!

– Много?

– Много! Двести штук!

Лейтенант присвистнул и вернул мне документы:

– Счастливого пути! И... С легким паром!

Дома я навязала веников, развесила их для просушки в сарае. Их получилось, конечно, не двести штук, – тут я слегка перехватила! – но все равно много. Вместе с моей деревянной банькой они напоминают мне о далеком севере, откуда я родом.

IV

Я родилась в Архангельской области, в маленьком железнодорожном поселке Емца, неподалеку от космодрома Плесецк. Это сегодня – космодром, а тогда, когда я училась в школе, космодром, видимо, только зарождался, и мы об этом ничего не знали. Знали только, что в лесу за железной дорогой находится воинская часть.

На севере была долгая зима, с метелями, морозами и полярным сиянием. А еще было хорошее теплое лето после запоздалой весны и ранняя осень. Летом в наших краях долго стояли белые ночи, когда солнце ходило по кругу, лишь слегка позволяя сумеркам упасть на поселок, совсем ненадолго, перед самым рассветом. После наших белых ночей это уникальное природное явление в Ленинграде, куда я уехала жить, работать и учиться, было просто жалкой пародией их. И это скажет любой северянин, который приезжает посмотреть Северную столицу в июне.

Впрочем, Ленинград, а сегодня – Санкт-Петербург, в июне – это удивительное зрелище: золотые купола храмов и изящные игольчатые шпили, гранит набережных и решетки каналов, узнаваемые силуэты и линии в легкой дымке ускользящей ночи кажутся нереальными, расплывающимися, будто на мутной переводной картинке. Всего одно мгновение, угадать которое невозможно. Вот оно есть, и вдруг – словно верным движением пальцев снимается с картинки влажная защитная пленка, под которой открываются настоящие краски города: серая сталь камня, желтая охра благородного металла, прозрачная голубизна неба, густая синь реки, мраморная прозрачность статуй, брызги зелени цветников, и пастельные мазки архитектурного обрамления – бело-розовые зефир с пастилой, кофе и какао, топленое молоко, шоколад и апельсин.

Мало кто остается равнодушным к этому городу. Натуры романтические, уезжая с нежских берегов, плачут навзрыд, и бросают монетки в городские фонтаны, чтобы непременно вернуться сюда. Я не плакала уезжая. Я, уезжая, не сжигала за собой мостов. У меня осталось пристанище в этом городе, друзья и родственники, которых не так много, но они настоящие, даже номера на моей машине – питерские. Я всегда могу вернуться в этот город, я научилась мысленно мгновенно переноситься в него, я помню маршруты, по которым ездила. Я люблю его, этот город, но живу не в нем. Так сложилось.

Я совершенно неожиданно для себя уехала в город, о котором никогда не мечтала! В моих мечтах был другой южный город – Севастополь, город, где живут мои любимые и близкие мне люди, родственники, который я хорошо знаю, как будто прожила в нем всю жизнь. На самом деле, прожила, вернее, проживала, совсем немного: в детстве – летние каникулы, а потом – двухнедельные отпускные свидания.

Но этого хватило, чтобы полюбить этот город и его жителей. И если я о чем-то жалею в этой жизни, так это, пожалуй, только о том, что я живу не в Севастополе. Так сложилось. Или совсем не так сложилось, как хотелось. Он остался городом-мечтой, городом, в котором я всегда – гостя, долгожданная и дорогая, и сегодня я уже не хочу менять этот свой статус. Зачем?! Зачем менять, если так сладко всякий раз встречаться с ним, а потом с грустью расставаться? Зачем, если он стал так близок ко мне! Я могу сесть рано утром в автомобиль, и обедать уже в доме своих родственников! Это даже с учетом того, что можно внезапно задержаться на переправе, в ожидании парома.

А сегодня я живу в ожидании того момента, когда торжественно откроется Крымский мост, и любимый город станет еще ближе.

Выбирая для жительства южный край, я, конечно же, думала о том, что это может быть Крым. Да какое «может быть»! «Должен быть!» После весны 14-го года я и думать не хотела о чем-то другом. Только Крым! Я тогда даже отпуск свой спланировала так, чтобы непременно

присмотреться к недвижимости в Севастополе. Я отправилась в санаторий в Саки, а по окончании отдыха с лечением поехала в Севастополь. Я ехала на автобусе по узнаваемым местам – я там много раз была, и пару раз даже проехала через весь Крым как автопутешественник, – и сердце прыгало от счастья: вот он, Крым, который с чьей-то легкой руки и я стала называть «Крымнаш».

Увы, изучение рынка недвижимости не оставило мне надежды на скорое – мое личное теперь! – воссоединение с Крымом. Домик кума Тыквы на четырех сотках крымской скалы стоил как особняк со всеми удобствами и с бассейном. Да еще и механизм продажи недвижимости в новом Крыму был не отработан. Поэтому домой я вернулась в глубоком разочаровании и с пониманием того, что затею переезда в Крым придется отложить. Да, мне понятна радость людей, которые стремились воссоединиться с Россией. И я рада за них, за своих крымских родственников, и за нас. Они готовы ради новой жизни потерпеть, подождать. Но вот мне уже совсем не хочется этого «подождать». Мне жить нормально хочется здесь и сейчас. И если уж я выбираю теплые края на жительство, то мне хочется жить нормально, растить сад с цветами, а не размахивать флагом на баррикадах. Ну, пусть мне простится эта слабость.

Идея поехать «на разведку» в Анапу пришла в голову не сама по себе. Мне ее подсказала моя старинная приятельница, которая сама недавно перебралась в этот город. И хоть я не жаловала Анапу – как-то в 90-е мне довелось тут побывать, и она произвела на меня, мягко говоря, плохое впечатление, – я подумала: «А почему бы и не попробовать?...»

Вот так в конце апреля 2015-го я и оказалась в этом южном городке, который встретил меня приветливо, морем огней и морским соленым воздухом. Город мне понравился, и я решила: это та гавань, в которой я брошу свой якорь.

Я уже забежала вперед в своем повествовании и рассказала о том, как мне удалось «добыть воду» на участке. А ведь покупала я свой домик со скважиной, и хозяин показал мне в углу сада это сооружение, в глубине которого виднелось зеркало воды. Но, как я уже говорила, вода у меня закончилась через пару часов. И снова появилась только осенью, после продолжительных дождей. Случись мне сегодня покупать дачу, я бы уже знала, как надо выбирать дом, как осмотреть участок, сад, огород, как проверить воду в скважине.

А тогда я попала как кур в ошип! Увидела море винограда, выложенный красивой плиткой дворик и настоящий камин в комнате и сказала: «Беру!» Был апрель, если помните. После дождя земля в огороде радовала иссиня-черными гребнями. «Чернозем! Настоящий! Краснодарский!»

Ага! Как бы не так! Такой «чернозем» тут ровно до тех пор, пока идет дождь. А как солнышко схватит землю, так «чернозем» светлеет, и никакой лопатой его не взять! Вот такая земля – серая, с паутинами трещин, – встретила меня, когда я приехала осваивать свои дачные уголья. Лопата только высекала искры из моего «чернозема», и я чуть не разревелась, увидев это. Позже выяснилось, что это горная глина, ее еще называют «виноградной землей». Вот этому южному долгожителю – винограду, – такая земля даже по вкусу, так как корни свои весной, когда земля мягкая и влажная, он запускает очень глубоко. Ему все равно, будут его поливать или нет. Он и влагу, и всякие вкусности для себя сам достанет с глубины. Вот такой вот виноградный секрет.

Впрочем, о винограде я еще буду рассказывать много, потому что интересуюсь этой темой. Мне по вкусу то, что виноград в моем саду растет в изобилии и радуется летом и осенью – до самых холодов! – вкусной ягодой сорта Молдова, Флора и Изабелла. Это то, что досталось мне вместе с домом. Будучи по своему характеру «мичуриным», я, конечно же, каждый сезон приобретаю новые сорта и сажаю их к заборам и стенкам, и надеюсь, что пройдет немного времени и у меня будет настоящая коллекция винограда!

Еще раз вернусь к земле, к той каменисто-глиняной почве, которая тут практически повсеместно. Приспособиться к ней можно: удобрить, разрыхлить, готовить грядки с осени. И тогда она, конечно, порадует урожаем. Но не надо никого слушать, кто говорит о граблях, которые тут начинают колоситься, если их воткнуть в землю. Ничего подобного! Грабли, как им и положено, лежат на вашем участке повсеместно, и на них вы будете наступать долго, пока не поймете, что место им в сарае. Вот тогда потихоньку в голове появится некоторая ясность в вопросах местного земледелия. Первое правило, которое должен выучить новоиспеченный садовод, прибывший в Анапу не только для принятия морских ванн, звучит так: сажать все нужно осенью! Да-да! Не весной, а именно осенью. Да по сырости, попозже, в октябре-ноябре. Как тут говорят: «Сажай в грязь – будешь князь!» То есть, все посадки, особенно деревьев и кустарников надо производить осенью. Высаженные весной они не успевают нормально прижиться, как земля засыхает, верхний ее слой превращается в крепкую корку, и... Прощай, саженец!

А по осени, по грязи и сырости, саженец нормально приживается. До холодов в это время далеко, да и корням в земле они совсем не страшны, так как растение успевает привыкнуть к своему новому «дому». Виноград тот даже в январе можно сажать, говорят старожилы. Я пока что к таким экспериментам не готова, но правило осенней посадки запомнила хорошо. И уж если случается сажать что-то весной, то таким растениям уделяю максимум внимания, и поливаю их в первую очередь.

В это правило, конечно, не вписываются всякие однолетние растения и овощные культуры. Тут понятно, что сажают их весной, и ухаживают за ними как обычно, правда, со сдвигом в огородном календаре недели на две, а то и больше. Погода позволяет и посадить томаты раньше, и урожай получить быстрее.

Как любой садовод, у которого чешутся руки, я с трудом переживаю зимние дни. Впрочем, можно и в это время что-то выращивать, если погода позволяет. Правда, надо сказать, что она тут такая непредсказуемая, что ни один календарь не подскажет, можно сажать или нет! Говорят, что год тут не похож на год. И за небольшой срок я смогла в этом убедиться. Бывает, что в декабре тепло и солнечно, а бывает, что в начале ноября – снегу по колена! Три месяца, которые надо как-то пережить без приступов садо-мазо-огородного «заболевания», это ноябрь, декабрь и январь.

Нет, работы в саду в это время по самое не грусти! Опрыскивание, обрезка, уборка листьев, посадки. И все это очень важные мероприятия. Попробуй не опрыскать сад, да еще раза три за зиму, и по весне из всех щелей вылезут вредители и съедят все, что можно съесть! Вредителей здесь столько, сколько жителю нечерноземья и не снилось!

Если снег на юг не пожалует, то огородные земляные работы долго не прекращаются. Всегда есть что делать. Но вот мечтается все это время только об одном: достать коробочку заветную с семенами, расставить баночки на подоконнике и, испытывая восторг первооткрывателя, сажать в землю семечки, мелкие, как пыль, и покрупнее, с тем, чтобы с этой минуты погрузиться полностью в процесс созерцания и испытывать щенячий восторг от первых зеленых росточков, которым суждено стать цветами!

Вот тут, как сказала мне знакомая тетя на рынке, торгующая семенами, не надо «гнать лошадей!».

– Лошадей не гони! Отдыхай до середины января – кури бамбук! И с середины января не суетись, а обдумывай – а надо ли оно тебе, это семенное многообразие, которое наполовину загнется от недостатка освещения и личного опыта! Лучше дожидаться февраля, а вот уж там...!

А знаете, что «вот уж там» в феврале? Не знаете! В феврале у нас «февральские окна»! Это такие дни месяца, когда природа вдруг делает большой рывок навстречу весне, и засылает на юг много солнца и тепла, хоть окна открывай! И открывают! И надевают шорты с майками и выходят в сад-огород, где с утра до вечера в воздухе роятся проснувшиеся комарики. И тепло

разливается стремительно, набирая обороты до летних температур, и термометр вдруг показывает +25, как в июле! Вот что такое «февральские окна». Открылись они, и тут не спи, сажай картошку! Неделя – и природа одумается, и вернется к прежним температурам, и даст понять, что еще зима. Но картошка-то уже посажена! И земля прогрелась так, что картошке теперь уже даже заморозки не страшны.

Впрочем, февраль – это месяц, в который и без «окон» уже весело. К тому же, как говорят местные люди, «окна» уже совсем не те стали – не такое яркое явление, как это было раньше. Но для нас, северян, местный февраль – это уже совсем не зима. Ну, какая это зима, если в саду уже давно цветут подснежники и фиалки?! А в самом конце месяца начинает разливаться по садам розово-молочный туман цветения алычи, черешни, вишни, персиков, абрикосов! Это уже не зима. Это южная весна, которая тут короткая, скорая, резко переходящая в лето, ради которого многие из нас и стали в один миг переселенцами.

Нет, есть еще кое-что, из-за чего все мы бросаем якоря в бухтах южных морей – это климат. В Анапе он уникальный. Ну, где еще можно найти такое место с такой «географией»?! Смотрим на карту! Вверху, на севере и северо-западе – Азовское море, внизу, на юге – Черное. Место между ними так и называется – междуморье. Справа, на востоке – горы Кавказа, слева, на западе – степи, затем Керченский пролив и дальше – Крымские горы. И все это на небольшом пятячке. До Крымских гор – двести километров, между морями – 60—70, до Кавказских гор вообще рукой подать! А ведь все они – моря, степи, горы, – активно участвуют в формировании местного климата. И второго такого места на земном шаре нет. Так что, говоря о климате «уникальный», я не преувеличиваю. В данном случае, уникальный – это действительно единственный!

Но не надо думать, что, поселившись в Анапе, вы тут же ощутите на себе, как этот климат благотворно влияет на ваш организм. Акклиматизация здесь проходит достаточно тяжело – это отмечают многие переселенцы. И, как это ни удивительно, не так тяжело переносится жара летом, как предзимье, когда над горами тянутся сизыми лоскутами рваные тучи, когда ливневые холодные дожди могут полоскать сутки напролет, а ветра случаются такие, что чувствуешь себя Мэри Поппинс, которую однажды унесло таким вот ветром.

В Анапе ветры зимой – явление частое. Они, конечно, отличаются от знаменитого ветра Бора, который любит хозяйничать в Новороссийске, но все равно впечатляют. Порой ночью всерьез опасаясь за крышу дома своего, которая запросто может улететь вслед за листьями! В такие дни гипертоники чувствуют себя плохо. Метеозависимые граждане вообще страдают от природных явлений, а здесь они страдают куда больше. Но в общем и целом климат Анапы не огорчает, а как раз наоборот. Не очень хорошо при любой погоде здесь чувствуют себя те, у кого по природе низкое давление. Местный климат имеет такую особенность – усугублять состояние дискомфорта у тех, кто страдает гипотонией. Затрудняюсь сказать, можно ли с этим как-то бороться, можно ли привыкнуть к этому дискомфорту, но во всем остальном Анапа – это маленький рай на земле. Здесь хорошо детям и взрослым благодаря как раз климату – мягкому, средиземноморскому, врачуящему разные заболевания, и, наконец, радующему теплом и летом. Не вечным, конечно, о чем можно только сожалеть, но продолжительным, ярким, напоенным запахами моря и можжевельника.

V

Уезжая на юг, мы думали, что будем ездить на зиму домой, в Петербург. Но чем ближе было дело к зиме, тем тоскливей становилось на душе: нам не хотелось уезжать. Причин тому было много: не хотелось оставлять дом без присмотра, жалко было оставлять курочек, которые радовали нас все лето своей диетической продукцией, не хотелось мучить дорогой животных, а самое главное – мы понимали, что не хотим уезжать на всю зиму!

Нам хотелось увидеть и южный январь, и «февральские окна», и встретить рано весну, и увидеть свой сад в облаках нежно-розовых цветов вишни и персика. А еще ведь надо было зимой ухаживать за садом! Словом, на семейном совете мы решили: съездим домой по делу и вернемся. Так и вышло. Мы отсутствовали в первом декабре три недели, скучали, и, сделав все необходимое, мчались под Новый год домой, к югу, продираясь сквозь снега и метели центральной России.

Первая наша анапская зима была не очень снежной и морозной. Дров мы купили заранее, и слегка протапливали котел. Но в дни, когда красный столбик термометра за окном пугал неожиданным «минусом», топить надо было с утра и до вечера, и вот тут я поняла, что совершенно не знаю, как это делать правильно. Котел у меня то затухал с полной топкой дров, то раскалялся так, что в трубах начинало подозрительно булькать.

А еще меня научили топить котел углем, чтобы ночами возле него не сидеть с поленом в руках. Для начала в котле надо было сжечь немного дров, потом на угли сыпануть антрацитика, а потом отрегулировать огонь поддувалом и шибером, и все будет ОК!

У меня даже получилось один раз продержать уголь горячим более суток! Но чаще всего мы с котлом говорили на разных языках. Я все это относила на счет некачественных дров – хрень обрезная! – и на уголь, с которым дел никогда не имела. Может это и не уголь!

От некачественных дров угольков у меня было всегда чуток – кот заплакал, и антрацит, который я забрасывала в котел, не столько горел, сколько печально тлел. Из-за всего этого с котлом я проводила гораздо больше времени, чем с животными, сыном, маменькой и своими планами будущих рассказов и романов. Котел стал моей личной «жистью» и после того, что у нас с ним было, эта сволочь должна была на мне жениться!

В один из вечеров, когда маменька уже отдыхала, я услышала подозрительный звук в батареях – как будто кто-то большой страшно шевелится и пускает пузыри в аквариуме. Я выскочила в прихожую и прислушалась: «шевелилось» в котле! Шевелилось угрожающе, с бульканьем. В котле бушевал огонь, глядя на который, хотелось распевать во все горло: «Товарищ, я вахту не в силах стоять!» – сказал кочегар кочегару», но было совсем не до песен.

А еще вечер был ветреным, и от ветра тяга была, ох, как хороша! – и поленца в котле разгорелись шустро. Вернее, сначала этот гад надо мной издевался как мог, чадил и плевался, а потом вдруг все занялось, и так быстро прогорело, что сыпать уголек было не на что! И я решила (как уже делала это не раз!) кинуть еще пару плашек, чтоб угольков было больше.

Подбросила две толстеньких плашки, солидных таких, не щепочек. Они мгновенно разгорелись. А потом разгорелись так, что мне стало страшно! Котел загудел, плашки запылали, температура полезла вверх стремительно, и стала приближаться к 100 градусам!

Мама дорогая! Меня охватил животный ужас. Животные при этом спали крепко, маменька тоже. Еще бы! Дома тепло, за окном – ветер, только спать и остается.

Я помчалась за ведром. Была мысль вытащить горящее полено и утопить его в ведре с водой. Правда, чем вытащить его из котла?... Нужны какие-то большие щипцы, а у меня только щипчики для бровей!

Вторая мысль – залить котел водой. Но я побоялась это делать, так как не знала, что может произойти. А вдруг еще скорее рванет! Но ведро с водой в котельную приволокла.

Тут глаз выхватил ведро с недогоревшим углем – утром чистила котел и навыгребала из него остатков, пыталась разобраться, что сгорело, а что и углем не было. Вот этим и решила засыпать котел.

Закидала в топку эту черно-оранжевую каменную смесь. Котел захлебнулся, и вроде, даже гудеть перестал. Я уже было обрадовалась, что победила, как он снова начал угрожающе посвистывать. Вот тут я забегала, как подстреленная. Температура 90, котел свистит, внутри у него что-то булькает, и я одна на всем белом свете!

Я кинулась звонить бывшему хозяину Коле, кричу ему, что у меня котел вот-вот рванет, что делать? «Шеф! Все пропало!» (с)

Коля каким-то незнакомым голосом говорит: «Наталья, я никогда не имел дела с котлами! Наверное, надо какой-нибудь клапан...»

– Как не имел? Ты, что, не топил его!

– Нет, не топил...

Пауза. Тут до меня дошло, что голос-то какой-то не такой, у Коли – бывшего хозяина не такой интеллигентный голос.

Я осторожно спрашиваю:

– А ты... Коля?!

– Коля, – отвечает на том конце провода явно не мой бывший хозяин.

И тут я понимаю, что звоню брату в Севастополь! Он тоже Коля! Федот, да не тот!

Извиняюсь, отключаюсь, цацы разводите некогда. Маменьку надо будить и к эвакуации готовиться. Куда-нибудь за баню, ближе к курятнику!

Проскочила в дом мимо котла – он у меня на веранде, в прихожей. Увидела комп, дернулась к дядьке Яндексю. На мой вопрос, как избежать взрыва в ТТ-котле, он выдал историю про то, как у одного домовладельца котел рванул, да так, что у него разворотило стенку, окно упало, а дверь летала над огородом.

Если б не маменька, я бы кричала, белугой бы редела! Но маменьку пугать нельзя. Она спала как ребенок, поэтому трогать ее я не стала, все-таки ее комната далеко от котла. Открыла дверь на всякий случай – если рванет, так хоть дверь в огород не улетит! И тут вспомнила про одного хорошего человека, который много чего уже переделал в нашем хозяйстве, ему и кинулась звонить.

Саша примчался через три минуты. Посмотрел котел, который все еще продолжал недобольно гудеть, хотя поддувало я закрыла, и, по идее, без доступа воздуха он давно бы уже должен был уняться! Температура – почти 100! В трубе булькает! Угли раскаленные, местами языки пламени. А Саша задает вопросы, на которые у меня нет ответа. Что-то тоже про какой-то клапан. Потом про расширительный бачок! О, это я знаю! На втором этаже. Мчимся туда, ломая ноги на узкой лестнице. Этот бачок бывший хозяин мне показывал – большая кастрюля с крышкой, закрыто все одеялом и придавлено сверху подушкой, в отдельном сарайчике на втором этаже.

В расширительном бачке полный порядок! Ура! Система у меня открытая, циркуляция естественная. Это новые слова и понятия, которые я сегодня узнала. В бачке воды полно. Саша успокоил: не переживай, мать, все будет нормально! Только больше пока не подкидывай уголька!

Какое «не подкидывай пока!» Я, похоже, вообще ничего куда больше подкидывать не буду! Пусть у меня лапы застынут и хвост отмерзнет! Через 40 минут температура стала падать. Тут и маменька проснулись! Не увидев того, что было, не смогла оценить весь объем стихийного бедствия. Но как-то судорожно заглянула в ящик комода, где лежали ее документы и три припрятанных пенсии.

Потом мы с маменькой ржали до икоты. Сначала на нервной почве, а после по разбору полетов, представляя, как я брательника-то огорошила среди ночи!

От пережитого стресса мы съели с маменькой запас вкусной тушенки, запили все это чайком, и до утра пережевывали пережитое. Топить котел или не топить, а купить электрообогреватели – этот вопрос остался открытым. Хорошо, что у нас открытая система отопления! Есть в жизни счастье!

Надо сказать, что общий язык с котлом мы все-таки нашли, и я, и даже маменька. Это оказалось проще простого, но к этому я шла всю первую зиму, пробуя топить и так, и этак, пока, наконец, он не сдался. И сегодня я могу усмирить в нем огонь двумя простейшими движениями руки!

VI

Как я уже говорила, после двух лет моего проживания в Анапе, к моим садо-мазо-огородным увлечениям прибавилось еще одно: я стала экскурсоводом. Маленькая курортная Анапа туристам интересна в первую очередь отдыхом «матрасным»: море, пляж, шезлонг, матрас надувной, матрас кровати в гостинице. Сюда еще можно добавить шашлык, магнитики на холодильник, белую шляпу. Вот и все! Купаться, есть и спать, и как можно меньше ходить. Вот на этом последнем мы и построили нашу экскурсию: коль вам лень ходить, то мы готовы вас возить!

К услугам туристов – микроавтобус, из окон которого они и увидят этот город. Конечно, автоэкскурсия не позволяет увидеть все. Например, мы не можем показать гостям города красивую набережную Анапы и все ее достопримечательности. Но она так близко от гостевого дома, что на прогулку туда можно ходить хоть каждый вечер.

Зато мы можем отвезти наших туристов в такие места, куда они сами не доберутся. Во-первых, туда надо как-то добраться, во-вторых, как говорится, места надо знать! Мы выбрали несколько интересных объектов, которые привязали к маршруту, и – вперед, галопом по Анапе и окрестностям!

Современному городу-курорту Анапе лет так много, что приходится напрягаться, чтобы правильно посчитать и не сделать ошибку! Город в северном Причерноморье возник в античные времена, а точнее в 5 веке до н. э. Но историки утверждают, что древние люди на этой земле появились задолго до этого. Однако принято считать, что первым поселением на месте современной Анапы была столица синдов – древнего народа, город Синдик. Позднее на этом месте возник крупнейший порт Боспорского царства, получивший имя Горгиппия. Название было дано в честь брата правителя Боспорского царства Левкона – Горгиппа. Это был развитый античный центр, в котором процветали ремесла, кораблестроение, торговля. Раскопки древней Горгиппии можно увидеть в одноименном музее под открытым небом, который находится в центре Анапы. В 3 веке н.э. город прекратил свое существование в результате варварского нашествия.

Новая история древнего города началась примерно с 8 века, когда на руинах Горгиппии была построена генуэзская фактория – так начиналась торговая купеческая Анапа. Фактория получила имя Мапа или Де ла Мапа, и споры о том, что значит это слово в переводе на русский, не утихают до сих пор.

Попробуем разобраться в хитросплетениях.

В переводе с санскритского языка Ана-па означает «дыхание воды». На абхазском «анапэ» значит «рука», «у рукава реки». В черкесском языке тоже есть «анапа», что значит «край стола» («ане» – стол, «ппе» – конец). И, наконец, в переводе с греческого – а древняя Анапа – это часть Древней Греции! – название города звучит как «высокий мыс».

И это еще не все. Есть мнение, что слово Анапа имеет восточные корни и переводится как «плач матери». И тому есть историческое подтверждение: в древности на месте Анапы долгое время находился огромный невольничий рынок, на котором шла торговля рабами.

Из всего этого можно сделать вывод, что и сегодня нельзя точно сказать, что же это такое – Анапа. Можно долго ломать голову над тем, что значит первое имя города – Мапа, но справедливости ради стоит сказать, что тайна сия до сих пор не разгадана.

Я немного отступила от дачно-курортной темы, и углубилась в историю города Анапы. Но все это можно прочитать в разных изданиях, моя же задача рассказать о том, как приживаются переселенцы на анапской земле, с какими проблемами сталкиваются здесь, поэтому на этом с историей я заканчиваю, и отправляю вас к более компетентным источникам.

VII

Прожив в Анапе три сезона, я могу сказать, что не жалею о перемене места жительства. Есть для меня во всем этом один огромный «плюс» – это климат. Долгое лето, короткая зима, яркая, как фотовспышка, весна, осень, как нечто среднее между остальными временами года. Правда, говорят, что менять климат, когда тебе сильно «за...», очень не полезно. Наверное, это так. И акклиматизация проходит достаточно сурово. Причем, если летом она совсем незаметна, то зимой ощутима. «Скачет» давление и настроение. Зима кажется бесконечной, так как в Петербурге она виделась совсем другой – незаметной и теплой. Впрочем, это ведь уже про «минусы»! Вернемся к «плюсам». Здесь классно дышится! Ни заводов, ни фабрик, ни каких тебе вредных производств! Отсюда и воздух. Да еще и можжевельниковые рощи рядом с городом, а настоящий на можжевельнике воздух способен творить чудеса. Говорят, что даже продукты не портятся, если их держать без холодильника в можжевельниковой роще. Ну, это удел туристов. А вот для тех, кто приезжает сюда поправить здоровье, дух можжевельниковой рощи делает свое дело. Врачи говорят, что он даже стафилококк убивает.

Море. Оно тут везде! Даже если вы живете не на самом берегу, его соленая стихия обогащает воздух. А море ведь не только нюхают! Море – это... Это море! И этим все сказано. Есть много замечательных мест на земле, но не в каждом замечательном месте есть теплое море. А в Анапе его много! Полоса пляжей тянется вдоль побережья на 50 километров. Пляжи – на любой вкус: каменистые, галечные, песчаные. Говорят, что в Анапе лучшие песчаные пляжи в Европе. Ну, ... ну, не знаю, что сказать на это. Наверное, кто-то занимается статистикой, изучает и пляжи в том числе. Лучшие так лучшие. На самом деле песчаные пляжи Анапы и в самом деле очень приятные: горячий песок, барханы, хороший заход в море. Для детей лучше не найти. Неспроста ведь Анапа снискала славу детского курорта.

Климат, на мой взгляд, это самый большой анапский «плюс». Особенно, если ты на пенсии, так как если не на пенсии, то тебе нужна работа, а это в Анапе большой «минус». Очень большой. Особенно, если ты не морковкой на рынке хочешь торговать, а руководить симфоническим оркестром. Анапа – город маленький, на всех оркестров не хватит. И надо быть готовым к тому, что в перспективе – морковка. Ну, может быть, что-то чуть слаще морковки, и за не очень большие деньги. Вообще я пришла к выводу, что жить в Анапе нужно в определенном возрасте – во младенчестве, и на пенсии! Что я и делаю с огромным удовольствием!

Когда меня спрашивают, стоит ли переезжать в Анапу, я затрудняюсь ответить. Говорят, есть те, кто тут так и не прижился, и вернулся назад, в не очень ласковые, но родные широты. За себя могу ответить словами великого поэта: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...» Правда, Анапа все меньше и меньше походит на глухую провинцию, но это, как говорится, просто к слову.

Часть 2

Уехать на юг, не сжигая мосты в Петербурге

*«Эту реку в мурашках простуды,
Это Адмиралтейство и Биржу
Я уже никогда не забуду...»*

«Уехать на юг, не сжигая мосты в Петербурге» – так называется еще один мой блог, затерявшийся где-то на просторах интернета, который я вела некоторое время на одном из сайтов, где общаются переселенцы. Да, вот правильное название таким как я – переселенцы. Но, судя по названию, из Петербурга я уехала не навсегда. Там у меня остались друзья, родственники, квартира. Оттуда я привезла свою прописку, с которой не хочу расставаться, и номера на машине – питерские. И это меня греет. Конечно, все это лишний раз подтверждает, что мосты я не сожгла и всегда могу вернуться в любимый город. И на расстоянии я еще больше понимаю, как он любим и близок. Конечно, я немного скучаю, и он снится мне, и я мысленно брожу по его улицам, и люблю в нем любое время года, которое всегда – с дождем! Между нами сегодня более двух тысяч километров. Но что такое эти километры, если ты свободен, и в любое время можешь взнуздать своего железного коня и отправиться туда, где осталось твое сердце?

Герои моих рассказов, которые я представляю вам во второй части моей книжки, живут, конечно же, в Петербурге. Или жили там когда-то, а потом стали переселенцами. Уехали в другие города, в другие страны, на другую планету даже, но сохранили в памяти «эту реку в мурашках простуды, это Адмиралтейство и Биржу...»

Горчичник на сердце

– Когда-то давно... Сколько уж тому?! Пятнадцать?... Или даже шестнадцать?... В общем, когда много лет назад я был поставлен вами руководить... – Губинский задумался, обвел зал взглядом каким-то особым, отеческим, почесал переносицу.

«К покойнику», – машинально отметила Ольга, вспомнив бабкину примету. Она выписывала протокол заседания секции художников-графиков, аккуратно выводя буковку к буковке, будто жуков собирала на ниточку.

Пал Палыч Губинский секцией руководил и, правда, больше чем полтора десятка лет. Как принято говорить – «бессменно». О нем так и говорили: наш бессменный руководитель! А что было еще делать и говорить, если смена была никудышная?! Жидкая какая-то, ленивая. «Вот мы – это да!» – думал порой о своем поколении Губинский. «А эти – так себе эти...»

Ольга была исключением из правил. И не потому, что она была его ученицей. Просто заложено в ней было трудолюбие с детства. Впрочем, она ведь не юная барышня, не из тех, про кого он говорил «смена никудышная». Ольга как раз что надо «смена», вот только не хочет она никакой общественной работы! С трудом затащил ее в свою секцию. И не для того, чтобы училась – Ольга сама учить может. Ее и раньше учить не нужно было, она от природы хваткая, и чувствовала хорошо, и понимала.

Почти двадцать лет назад она пришла к нему на кафедру с большой папкой эскизов и рисунков, висящей у нее на плече. «Сколько ж ей было тогда? Двадцать два? Двадцать три? Или...? Нет, наверное, все-таки, двадцать два. А ее Павлуше было три годика. Или уже четыре?...» Румяный малыш крепко стоял на ножках, держался за ее юбку и не хныкал. Он с любопытством осматривал аудиторию с убегающими к потолку рядами столов и стульев, расположенных амфитеатром, с высокими, закругленными по карнизу окнами, с удивительной акустикой – звуки раскатывались по залу, будто бильiardные шары по зеленому сукну стола. Можно было говорить тихо, и все слышали каждое сказанное слово.

Мальчика звали Павлом, а Ольга называла его ласково Павлушей. В свои двадцать два она была не по годам взрослой, благодаря этому улыбчивому мальчику, который у нее появился бог весть откуда! Просто взял – и появился! Не родился будто, а был получен в награду за какие-то заслуги. Родился – это слишком просто...

Он не докучал матери, которая усадила его на стул и достала из сумки книжку-раскраску. Мальчик принялся раскрашивать картинки. У него был сине-красный карандаш, с двух сторон цвет: с одной – красный, с другой – синий. И мир для него был в этих двух радостных красках, синей и красной: ежик – синий, гриб – красный, дерево – синее, кот – красный.

Губинский смотрел на эти художества и удивлялся: всего два цвета – и целый мир! А творцом этого мира был маленький мальчик, ребенок. «А мои студенты порой совсем не умеют передавать цвет! – подумал Губинский. – А ведь в детстве никто не задумывается над тем, умеет он рисовать, или нет! Ребенок просто берет в руки сине-красный карандаш и рисует мир. И нисколько не сомневается в том, получается у него или нет. Он просто рисует. А потом вдруг куда-то все уходит у многих, и они начинают думать, что рисовать не умеют. И некоторым никакая учеба не помогает!»

– Тебя как звать? – осторожно поинтересовался он у мальчика.

– Павлик! – живо откликнулся ребенок, и закусил нижнюю губу, пытаясь сосредоточиться над следующим сине-красным шедевром.

– Вот те на! И меня Павлик! – радостно отозвался Губинский.

Мальчик не отреагировал на его радость. Наверное, уже понимал, что детей – много, а имен – меньше. Поэтому, он – Павлик, и этот дядя – Павлик, и еще Павликов на белом свете много-много! И еще есть дети, которые уже выросли, стали вот такими дядями, а их все Павликами зовут.

– Правда, я – Пал Палыч. И ты, когда вырастешь, тоже станешь Пал... – Губинский осторожно-вопросительно посмотрел на Ольгу.

– Викторович, – ответила она. – Он будет Павлом Викторовичем.

И без паузы спросила:

– Пал Палыч, посмотрите мои работы. Пожалуйста...

Ну, посмотреть-то он был готов. А что дальше? Дальше-то что?! Что хотела от него эта девочка?

«Провинциалочка, судя по всему. Наши все больше „по звонку“ идут. Находят путь к нужному человеку, вызванивают, заискивающе докладывают: я, мол, от Иван Иваныча, и далее выкладывают просьбу. Как правило, о поступлении. Или, на худой конец, о курсах. А эта сама пришла. Не побоялась. Да и не одна, а с... Павлом Викторовичем!» – думал Губинский, ожидая терпеливо, пока Ольга развяжет замызганные тесемки на картонной папке.

– Вы хотите... поступать? – осторожно спросил Губинский, и Ольга уловила в вопросе неприязнь. Кожей почувствовала и правым ухом, обращенным к нему, хорошо услышала в вопросе кое-что, что заставило ее покраснеть.

– Нет, – поспешно ответила. – Я уже учусь.

– Тогда зачем вам я?

– Мне сказали, что вы – лучший в городе художник, работающий в книжной графике.

У Губинского отлегло от сердца. Не любил он просителей, а уж тем более – просительниц. Это первое. А второе – кому ж не понравится, когда говорят «вы – лучший из...»?

– Ну, это еще вопрос, – скромно буркнул Пал Палыч, хотя было видно, как ему приятно. И он видел, что девочка не из лести так сказала, а потому что ей и в самом деле так его представили. Ну, что, правда, то – правда. Хотя, не он один.

Губинский тихо сиял. Даже запонки его на голубой рубашке в тон глазам засияли сильнее, будто граней в узоре прибавилось.

Ольга, наконец, развязала узелок на тесемках, и из большой папки достала папочку поменьше. Рисунки в ней были переложены папиросной бумагой. Она ловко задирала эти полупрозрачные легкие пленки, чтоб не мешались, и раскладывала по порядку на крышке длинного стола.

Ему сначала ее работы не показались. Добротно, но без искры. Черная тушь и перо – все просто, и, как говорил Губинский, «без загадки». И вдруг он увидел то, что волновало его самого, вихрило где-то в области селезенки, отчего дух захватывало и во рту становилось сухо. Губинский внезапно замер над ее работами, ощутив особое дрожание этого загадочного органа внутри себя. Было за ним такое в минуты особого волнения. «Трус» – так называл Губинский это свое состояние, имея в виду не боязнь чего-то, а особую внутреннюю тряску. Бабка у Губинского так говорила: «меня трусит, трус напал». Вот и когда на профессора напал этот самый «трус», он понимал, что держит в руках, ну, если не шедевр, то очень-очень талантливую работу.

Интересно, что этот самый «трус» от профессора мгновенно передавался молодому автору. Порой и слов еще никаких не было сказано, а «трус» уже был! Как болезнь заразная!

И надо было такому случиться, что это состояние творческого мандража они оба приняли за интерес, даже за влюбленность, и у Пал Палыча сорвало крышу. Он аккуратно перекладывал листы из огромной картонной папки на стол, и зависал над ними. И, кажется, забывал о ее присутствии, улетал в Москву, на Патриаршие пруды, туда, где «однажды весной, в час небывало жаркого заката, появились два гражданина»...

Это были искусно сработанные иллюстрации к «Мастеру и Маргарите». Как она угадала с ним в одну тему? Это он всю жизнь рисовал Патриаршие пруды и Аннушку, ковыляющую неуклюже через трамвайные пути, кресты на Голгофе и плащ с кровавым подбоем прокуратора Иудеи, и много-много всего, что трогало его, толкало к бумаге и перу с тушью.

Но это он. Он читал. А она то откуда?! Откуда она?!!

– Откуда вы это...? – спросил он.

А она в ответ усмехнулась, будто поняла, что он имел в виду. «Откуда ты, девочка провинциальная, знаешь это произведение, которое и книжкой-то еще не было?! Вернее, было, да только не у нас, а в Париже! А у нас, может, и не судьба ему стать книжкой. А мы с тобой рисуем к нему картинки...»

– Дали на ночь, – уклончиво ответила Ольга. – Ночь на чтение, и с тех пор, что ни ночь, то новая тема на бумаге. Ну, как? Могу?

«Она спрашивает, может ли?! Мои студенты никогда об этом не задумываются даже. И хоть каждый что-то умеет делать, но такую глыбу булгаковскую не каждому дано перевернуть».

– Как вас звать? – наконец догадался он спросить у нее.

– Ольга. Аникеева. Но моя фамилия вам пока что ни о чем не говорит...

Так сказала, будто знала, что пройдет время – долгое время ученичества и мастерства, лет двадцать, не менее, – и фамилия Ольги Аникеевой станет хорошо известна, и однажды...

И однажды он признается ей, что у них тот самый случай, когда ученик превзошел своего учителя. Он сказал ей об этом сам не так давно, и она улыбнулась ему в ответ той блаженной улыбкой, которая делала ее похожей на ту девочку из прошлого века – необыкновенно милую, чистую и одаренную свыше.

Как быстро все произошло. Вот сегодня ее любимому Павлику уже двадцать три, как ей тогда. И он учится в Академии, и чертит с утра до вечера свои невероятные проекты музеев, концертных залов и библиотек. И его приглашают на разные архитектурные тусовки, где ему остро завидуют одни, и радостно аплодируют другие.

А Ольга раз в месяц встречается со своим Пал Палычем на тусовке графиков, где мало кто может прихвастнуть успехами в своем деле. Кроме нее. А она не хвастается, чтоб не завидовали. Потому что зависть – это страшно, а от зависти людей творческих можно и собственный дар потерять, который засохнет, как ручей в жаркое лето.

По большому счету тусовка эта бесполезная ей вообще была не нужна. В их тесном мире каждый и так знал, кто, чем дышит, кто над чем трудится, и кто чего стоит. И учиться им друг у друга было нечему. Кто-то, как Ольга, и сам все умел, а кто-то не так умел, на порядок плоше, но его это вполне устраивало. Но встречаться иногда надо было. Так было положено, и к тому ее, члена Союза, деликатно призывал Губинский.

...После той встречи с Ольгой Пал Палыч потерял покой. Вроде бы, все давно в его жизни утряслось: работа, творчество, семья, дочь и сын. Дом, в смысле – дача, построен, дерево на той даче посажено, и не одно, и даже колодец выкопал на ключе сам – присидел в холодной яме

целый отпуск, заработав радикулит и особую любовь жены и тещи, которые с тех пор лечат его народными снадобьями, чуть заломит пониже спины. Яблони вокруг того дачного колодца по осени радуют урожаями, дети – успехами, вот-вот внуки продолжением жизни явятся, а его вдруг заколбасило так, что потерял сон и покой. Девочка эта ничейная с мальчиком Павликом.

Его мама в детстве тоже так звала – Павлик.

Ольгу он выдерживал на свои занятия и выставки, ставил в пример своим ленивым студентам. Он носился с ней, как с торбой писаной.

Он любил ее. И жить без нее не мог. Он забыл, что ему пятьдесят. Да что там «пятьдесят»! Пятьдесят-то с «хвостиком», вернее, с «хвостом». Много лет. Мужик русский в это время уже в могилевскую губернию целыми стадами уходит. Короток его век, у мужика русского. А он в любовь кинулся, хоть бы и седина в бороду. Жена Аля не узнавала его. Он любил ее пуще прежнего, как в пору их беспечного студенчества, захлеб, с цветами и шампанским, с бурными ночами, с синими кругами под глазами следующими после этих ночей утрами.

Он любил в ней женщину. Как в последний раз. А мечтал о девочке Оле с косой челкой, закрывавшей пол-лица, с тонкими запястьями, с мозолькой на среднем пальце правой руки – от вечной «дружбы» с перьевой ручкой, которой любила работать. Ольга снилась ему ночами, и он боялся во сне назвать Алю – Олей.

Он болел, если не видел ее более недели. А однажды это «не видел» затянулось на месяц. Ольга не приезжала на его занятия. И он, мучаясь оттого, что находится в неведении, сгорая от ревности, – это ведь он решил, что девочка ничейная, а на самом деле, не может быть такого, чтоб у такой девочки и никого не было! – держал себя за руки, чтобы не позвонить ей.

Наконец, ожидание дошло до точки кипения, до пузырей, которые отрываются от дна чайника и лопаются с жаром на поверхности.

Губинский достал из внутреннего кармана пиджака маленькую голубую расческу с острыми тонкими зубчиками. Он привык к таким с юности, и другими не пользовался.

Глядя на свое отражение в зеркале, он разобрал волосы на косой пробор – волосок к волоску! – аккуратно расчесал еще густую черную гриву с серебряными нитями. Дважды дунул в зубцы расчески и спрятал ее в карман, пригладил прическу, лизнув по привычке сухие ладони. Критически окинул себя взглядом. Не понравилось. Разворошил пятерней аккуратную стрижку, взъерошил ее, прочесал пару раз вдоль и поперек, как граблями, тонкими пальцами. Потом ощупал чисто выбритый подбородок, смешно выпятив его вперед. Вроде бы, все, как надо, да только настроения нет совсем. А надо улыбаться, надо речь сказать, потому что у них на кафедре именинник, и суета по этому поводу немислимая. Рады все, хотя впору плакать: 75 – это 75...

Губинский вспомнил, что и у него близится день рождения, к счастью, не юбилей. Не хотелось ему сейчас никаких юбилеев. Хотелось отмотать пленочку в кинопроекторе, чтоб на экране бежали, смешно пятясь, пятками назад люди, которые так любят юбилеи. Черт бы их побрал! Им бы такие «юбилеи», когда себя жалко до чертиков, потому что ты старше всех за праздничным столом!

А еще у Губинского и день рождения не как у людей, а под самый новый год – 31 декабря. Угораздило ж его так родиться! Всем праздник, а ему – день рождения! И поздравления от близких, как бы, между делом. Что это за праздник – день, в который ты просто пришел в этот мир?! Так, дата. Не более. Первая половина строчки, которую потом напишут на памятнике, украшенном цветочками. Вот уже и тире какой-то доброхот поставил рядом с этой датой, с намеком на то, что уже не в горку, а под горку. Вслух не скажут, но по речам поздравительным это тире, ой, как слышно!

На работе у них принято именинников поздравлять, и те, кому «за...» накрывают стол, раздувают щеки от важности, от внимания повышенного к персоне. И от слов приятных щиплет в носу и в уголках глаз. Лучше бы не говорили! Это же слушать невозможно про то, какой он хороший, какой профессионал, какой учитель! Ну, да! Да-да-да!!! Все так, но говорить об этом не надо бы! Он же живой, он реагирует! Он и расплакаться может, потому что с возрастом – он заметил, – слезы у него очень близко живут. Так близко, что ему их порой не удержать, и приходится доставать платок, который супруга Аля кладет ему в карман пиджака, аккуратно заглаженный в квадратик, пахнущий горячим уюгом – свежайший! – и изображать насморк!

И хочется только махнуть рукой, прощая себе сентиментальность, и всем – невоздержанность в добрых словах. И это даже в не юбилейные дни рождения. А уж по поводу «круглой даты» можно представить, что придумают коллеги! Ну, старые – понятно! Они по старинке прошамкают слова традиционные, желая «главное – здоровья», и «еще раз здоровья», и так раз десять, если не больше!

Молодежь, которой в секции не так много, непременно придумает какой-нибудь сценарий, и устроит капустник. Будет смешно и весело, и можно будет смеяться до слез! Умеют они, стервецы, порадовать всех, украсить праздник так, чтоб никому скучно не было, даже самым замшелым профессорам Академии – жутким скептикам, скучным и уставшим от жизни.

Катька Гусева снова споет: вот уже и гитара в уголке притулилась, расчехленная – отходит от мороза. Катька всегда с этой гитарой, сколько Губинский помнит ее. Кажется, она и в Академию, где они первый раз встретились, пришла с гитарой, спрятанной в чехол, сшитый из грубой черной тряпицы. Было это – дай бог память, – нет, не стоит и вспоминать! Да, у Губинского тогда тоже был юбилей. Юбилейчик!

Сумрачным декабрьским днем, когда всей радости у него было лишь кружка горячего кофе с куском торта, купленного коллегами по поводу дня рождения преподавателя истории искусств Белорыбицкого, Губинский вышел на набережную в дурном настроении.

«Это все зима, – успокаивал он себя. – Это все зима, которая в наших широтах просто душу выедает, продохнуть не дает!» Успокаивал, а из закоулков сознания наплывали всякие кошмары про Оленьку. В одном кошмаре она попадала под машину, в другом ее брали в плен боевики и тайно вывозили на Кавказ, в третьем... Губинский мотал головой, чтоб вытряхнуть из нее все эти страхи, но у него плохо получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.